

НОВГОРОДСКИЕ СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА
Ю. С. СПАРВЕНФЕЛЬДА

Речь идет о дневнике русской поездки шведского ученого Юхана Габриеля Спарвенфельда (1655—1727). Спарвенфельд был одним из самых видных знатоков славянских языков (особенного русского), автором четырехтомного славяно-латинского словаря (*Lexicon Slavonicum*).¹ Он изучал историю, право и языки в Упсале. После окончания учебы он совершенствовал свое образование и, путешествуя по Европе (1678—1683), занимался в библиотеках и архивах, общался с учеными, особенно с владельцами книг и рукописей.

После возвращения домой он получил предложение принять участие в дипломатической миссии в Москву. Целью миссии было подтверждение Кардисских и Плюских мирных договоров. Спарвенфельд, молодой дворянин с широкими интересами и хорошим знанием языков, должен был служить своего рода ассистентом главному послу миссии Конраду Гюлленшерне. Спарвенфельд согласился и уехал в составе делегации в феврале 1684 г. Получив от шведского короля Карла XI стипендию для изучения русского языка, он остался в Москве. Во время своего трехлетнего пребывания в русской столице Спарвенфельд, кроме изучения языка страны, занимался подготовкой материала для составления большого славяно-латинского словаря, предназначенного для Европы.

Спарвенфельд провел 13 лет своей жизни в поездках. Во время этих поездок он всегда вел дневники, как правило, на языке страны, где он находился. Такой дневник он вел и в России. В то время как все другие дневники исчезли бесследно, этот дневник сохранился. Он хранится в подлиннике в Государственном архиве в Стокгольме (Tidbarkivet 501). Дневник был обнаружен историком Эллен Фрис в конце прошлого века в семейном архиве дворца Тидю. Она опубликовала маленькие отрывки из него.² Биограф Спарвенфельда, К. В. Якобовский, пользовался дневником и тоже опубликовал отрывки из него.³ Но до сих пор никто всерьез не занимался всем материалом. Объем дневника примерно 140 страниц в машинописи. Он написан на шведском, французском и итальянском языках. Там есть даже несколько предложений на испанском языке. Однако в дневнике встречаются географические названия, личные имена и отдельные цитаты, написанные кириллицей. Иногда они написаны опытной рукой, принадлежащей, по всей вероятности, переводчикам делегации, иногда, и все чаще, неуклюжей и неопытной рукой самого Спарвенфельда. Данные обстоятельства показывают, что по дороге он стал заниматься языком страны, наверное, с помощью

¹ Sparwenfeld J. G. *Lexicon Slavonicum* / Ed. U. Birgegard. Uppsala, 1987—1992. Vol. 1; Birgegard U. Johan Gabriel Sparwenfeld and the *Lexicon Slavonicum*: His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography. Uppsala, 1985.

² Fries E. *Anteckningar om en resa: Russland af J. G. Sparfwenfeld* // *Historisk tidskrift*. 1886. № 6.

³ Jacobowsky C. V. J. G. Sparwenfeld: Bidrag till en biografi. Stockholm, 1932.

переводчиков посольства. В дневнике Спарвенфельд подробно описывает поездку в Москву. Во время первого года пребывания он пишет более или менее регулярно, но потом, к нашему большому сожалению, обрывает записи и начинает снова только в связи с возвращением домой в Швецию.

5 марта из города Нарвы послы (их было трое) отправили капитана Прюбстинга в Новгород со списком членов делегации (там 201 имя). Новгородский воевода требовал эти сведения за пять дней до прибытия шведов, чтобы успеть собрать бояр и житых людей не только из Новгорода с окрестностями, но и из Пскова, для того чтобы прием посольства был как можно более торжественным и почетным.

12 марта капитан Прюбстинг возвращается из Новгорода и передает от воеводы, что там еще не готовы для приема шведской делегации. Русские ожидали, что делегация перейдет через границу в Муравене — месте, самом близком от Нарвы, но так как шведы выбрали другой путь, встречающие не успели подготовиться.

14 марта шведские послы решили подождать до следующего вторника. Но позже в тот же день (Гюлленшерна уже был в постели) переводчик, который поехал в Новгород, вернулся и рассказал, что хозяева уже готовы и что делегаты могут перейти через границу уже на следующий день. Приставы уже ждут их недалеко от Орлина. Эти известия привели к новым совещаниям и обсуждениям шведов. Обсудив ситуацию, члены посольства пришли к выводу, что было бы против их достоинства и против авторитета шведского короля делать изменения в своих планах по мере того, как русские передумывали. В результате они сообщили новгородцам, что предпочитают подождать до вторника, как уже было условлено.

В разных местах Спарвенфельд пишет о переводчике русских Гюттнере. 15 марта, например, он пишет о нем, что характер его таков: он честолюбив, лгун, изменник. Он бежал из Швеции в Новгород, где предложил свои услуги царю. В Посольском приказе в Москве оказали ему честь, так как писали о нем, что он был мошенником, а теперь стал честным человеком. Вообще заметно, что Спарвенфельд относится с большим сомнением к этому загадочному Гюттнеру.⁴

Итак, во вторник 18 марта в 6 часов утра делегация покинула Цариц, последний ночлег до границы, и в 10 часов утра оказалась в Орлине, недалеко от шведско-русской границы. Спарвенфельд дает подробный отчет о церемониях при переходе границы, но это не входит в нашу тему. Оказывается, однако, что вторым из трех назначенных приставов является как раз вышеупомянутый Гюттнер, Яков Иванович, выходец из Померании. Главный пристав, Мирон Григорьевич Банасов в торжественной речи, в которой он употребляет полный титул царей и короля, говорит, что цари (т. е. Иван Алексеевич и Петр Алексеевич) и новгородский воевода князь Федор Семенович Урусов послали их, приставов, приветствовать больших послов шведского короля и сопровождать их в Новгород.

⁴ Гюттнер (Гитнер, Бюттнер) известен по русским и иностранным источникам. См.: Экономические связи между Россией и Швецией XVII в. М., 1978. С. 165; Шлейссингер Г. А. Полное описание России // Вопр. истории. 1970. № 1. С. 107 (примеч. ред.).

19 марта делегация медленно приближается к Новгороду, проезжая мимо монастырей, деревень, курганов. Все возрастающее бездорожие создает постоянные проблемы. 20 марта в связи с упоминанием деревни Кипина Спарвенфельд рассказывает о дороге, построенной в свое время шведским графом Понтусом Делагарди, когда он шесть лет властвовал над Новгородом. Делагарди построил дорогу, чтобы облегчить торговлю и движение. Но так как русские не поддерживали дорогу в хорошем состоянии, сейчас ею невозможно пользоваться. Здесь называют ее «мост Понтуса». Очевидно, Спарвенфельд путает отца и сына. Понтус Делагарди, правда, воевал на этой территории в 80-х гг. XVI в. и добыл себе репутацию врага, которого невозможно победить. Однако не он властвовал над Новгородом шесть лет. Спарвенфельд имеет в виду его сына Якова, который был губернатором оккупированного Новгорода в 1611—1617 гг.

Последнюю ночь перед Новгородом послы ночевали в Вяжищах, и Спарвенфельд дает описание Никольского монастыря. В связи с этим он сообщает, что простой народ может купить себе место в монастыре за 8 рублей. Спарвенфельда с товарищами не впускали в монастырь, объяснив, что им нельзя войти, так как они не христиане.

21 марта в 11 часов утра посольство покинуло Вяжищи и, проехав через леса и болотистые местности, доехало до большой равнины, откуда был виден Новгород. Спарвенфельд говорит, что издалека он кажется большим и имеет красивый вид. Но по мере приближения город принимал все более неинтересный облик. Со всех сторон он окружен монастырями. Недалеко от города им нужно было свернуть с дороги, так как мост был сломан, и послам пришлось добираться открытым полем через снег и воду. Слякоть доходила лошадям до колен. Так они добрались до берега Волхова между Колмовым и Антониевым монастырями. Напротив Антониева монастыря вдоль реки стал ряд всадников. Шведская колонна ехала между рекой и встречающими. Во главе ее находились сани с послами и приставами. За ними верхом следовали по рангу члены делегации. Шведы раздражались тем, что их много раз останавливали, неизвестно почему, и что русские всадники двигались туда и обратно мимо них. Спарвенфельд очень подробно описывает знамена разных отрядов пехоты, которые стояли вдоль дороги. Наконец шведы достигли деревянной стены города, где со стороны кремля их ждала карета воеводы. В карете сидел старый дворянин, посланный воеводой, чтобы делать комплименты шведским легатам. Когда сани шведских послов подъехали, дворянин — его звали Тихон Иванович Бестужев — уже стоял возле кареты. Повторялась в общих чертах церемония перехода границы с торжественным прочтением ритуалов и любезностей.

Спарвенфельд с большим интересом наблюдает за тем, до какой степени послы, приставы и переводчики знают сложные титулы. Шведскому переводчику Хофману трудно; он спотыкается, и ему иногда надо читать с бумаги, но Конрад Гюлленшерна, первый шведский посол, произвел большое впечатление на Спарвенфельда, так как он скороговоркой читал наизусть все длинные титулы и владения короля и всех послов без ошибок. Потом все шестеро, три шведских посла, русский представитель хозяина и два переводчика — один русский (Гюттнер) и один шведский (Хофман) — сели в карету, которая двинулась по направлению к городу. Остальные шведы по протоколу должны были следовать верхом сразу за каретой. Но правильному движению мешали

человек 150 верховых дворян, собранных воеводой из окрестностей Новгорода и Пскова. Они толпились около кареты, чтобы взглянуть на шведских легатов, и часто попадали между каретой и шведской свитой, что было очень некстати и против всякого протокола.

Встреча у городских стен произошла в два часа. В четыре шведы достигли того каменного дома, который был назначен для иностранных посольств. Спарвенфельд говорит, что в этом доме тогда жил Гюттнер. На башнях кремля стояли знатные женщины и тайком рассматривали шведов. А когда шведы смотрели на них, русские всадники ругали их и кричали «шисс», что, было, согласно Спарвенфельду, обычным словом при таких обстоятельствах. Когда стрельцы, сопровождающие шведов, услышали это, они всерьез били кричавших.

О городе Спарвенфельд сообщает, что он расположен на большой равнине и окружен болотами. Если бы вокруг была хорошая крепость, его было бы невозможно завоевать. Но все стены деревянные, за исключением кремля, который окружен простой кирпичной стеной, и не очень высокой. Если смотришь вокруг, видишь со всех сторон огороды и монастыри. Потом следует перечень всех монастырей, которые видны из города (их около 20).

На следующий день, 23 марта — вербное воскресенье, шведы вышли на улицу посмотреть крестный ход из кремля, но он не состоялся. Вместо этого смотрели маленький ход, устроенный простонародьем. Впереди шествия с ослом несли хоругвь с изображением Христа, потом следовало много крестов и икон. А вместо ветвей пальм, как у католиков, несли вербные ветви. Всю ночь звонили на колокольнях (в связи с этим он описывает, каким способом звонят в России).

Далее Спарвенфельд рассказывает о старообрядцах. Он сообщает, что есть много людей, которые не принимают участия в церемониях и которые придерживаются старой веры. Они крестятся двумя пальцами, как католические священники, и принимают облат с таким крестом (рисунок в рукописи Спарвенфельда). Но реформа запретила и предписала другой крест (рисунок там же), чтобы крестились тремя соединенными пальцами. За это, говорит Спарвенфельд, много сотен людей сожгли живьем. Но так как это ни к чему не привело, других обезглавили, так как русские больше боятся видеть кровь. Кроме того, новые (т. е. сторонники Никона) считают, что нужно говорить «Исус Христос, Господи наш, помилуй нас» вместо старого «Исус Христос, сыне Божий, помилуй нас». Из-за таких «мелочей», по словам Спарвенфельда, староверы идут на смерть. Богатые староверы иногда расплачиваются не жизнью, а деньгами. Это видно, например, в случае с сыном Семена Гаврилова, Ивана Семенова Маленького, за которого отцу нужно было заплатить большие деньги, чтобы спасти ему жизнь. И это несмотря на то, что отец его имеет много власти в Новгороде как фактор и тайный советник царя.

Эти сведения о госте Семене Гаврилове и его сыне дополняют данные других источников. В 1682—1684 гг. было обнаружено, что Иван Семенов, сын Семена Гаврилова, сочувствовал старообрядцам. Под пытками его заставили признаться и привлекли к суду. Освободили его после того, как отец взял на себя ответственность за сына и, очевидно, после того, как он заплатил значительную сумму.⁵ Отец, Семен Гаври-

⁵ Варенцов В. А. Привилегированное купечество Новгорода XVI—XVII вв. Вологда, 1989. С. 81—82.

лов, один из самых богатых и влиятельных гостей Новгорода того времени, естественно, был хорошо известен шведам, так как играл очень важную роль в русско-шведской торговле.⁶

Спарвенфельд принимал участие во встречах делегации с новгородским воеводой, так как он пользовался доверием Гюлленшерны, и наоборот, и потому, что он сам проявил интерес и выразил желание. Первая встреча состоялась к вечеру первого дня пребывания, т. е. в вербное воскресенье. Целью первого визита была встреча воеводы с маршалом делегации для передачи подарков, привезенных воеводе от Гюлленшерны. Воевода послал карету за маршалом, который поехал вместе со свитой, состоящей из 12 человек, включая Спарвенфельда и комиссара. Спарвенфельд так рассказывал об этом визите: «Воевода живет в кремле, окруженном каменной стеной, в простом деревянном здании. Крыльцо довольно широкое, и передняя темная. Шведы прошли ее и еще два покая, в которых по сторонам стояла челядь воеводы. Зал, в котором воевода принимал их, был очень скудно меблирован. Вокруг стен стояли скамейки, на полу лежал красный ковер. Стены были из голого дерева, но две из них украшены. На одной, со стороны стола, висело множество икон с богатыми серебряными окладами и с горящими свечками перед образами. Стена слева была украшена большим количеством позолоченных серебряных кубков в древнем стиле. Пять или шесть человек занимались угощением гостей. Воевода был одет в желтый сатин, голова без убора, за исключением тонкой ленты, завязанной сзади. Шведский маршал начал с того, что поблагодарил за гостеприимство и оказанную честь, передал подарки, состоящие из серебряного блюда и позолоченного бокала. Воевода, очевидно, был очень доволен подарками. Потом шведский маршал заявил протест по поводу случившегося при въезде делегации в город, когда верховые дворяне втерлись между каретой с послами и шведской свитой». Спарвенфельд пишет, что «он при этом очень преувеличивал и красноречил о том, сколько чести было оказано послу русских Прончищеву, когда тот был в Швеции. Воевода сказал, что не так страшно: ведь, теснога, спешка, много народу; что это было сделано случайно, не с намерением. Маршал все-таки настаивал на том, чтобы это было включено в протокол. Потом речь пошла о лошадях. Маршал сообщил, что лошадей совсем недостаточно. Во-первых, потому, что третий посол занял свое место в делегации только после того, как было заказано количество лошадей. И еще добавилось множество людей, которых желательно включить в делегацию, чтобы оказать честь такой важной миссии. Во-вторых, дороги стали такими, что вместо одной лошади на человека требовалось три. В-третьих, Прончищеву, когда тот был в Швеции, дали не то, что было решено заранее, а то, что ему было нужно и что он хотел. И в заключение сказал, что обязанность воеводы дать шведам то, что необходимо, иначе они не состоянии уехать». В связи с этим, — рассказывает Спарвенфельд, — «маршал спросил, когда они должны уехать. Воевода ответил, что завтра, потому что 500 лошадей готово, и больше он не сможет дать. Он уже получил приказание о количестве от царя, и дать им 650 лошадей было ему просто невозможно. Шведы повторили, что без этого они не могут уехать. Потом шведская сторона жаловалась на то, что дали слишком мало денег. А когда Прончищев был

⁶ Русский биографический словарь. СПб., 1914. С. 22—24.

в Швеции со своей миссией, ему было намного лучше. Наконец обсуждали разные отдельные случаи несправедливого обращения с шведскими гражданами на территории шведско-русской границы. Воевода отвечал, как мог».

Затем следует любопытный перечень разных блюд, которыми угощали шведских гостей: «1. На стол появилось свернутое вишневое пюре, шириной в один локоть и толщиной в мизинец. Оно было свернуто на палочку, очень вкусное, но полное песка. 2. Появилось блюдо восьмиугольной формы вроде сыра; высотой полторы четверти, полное отвара и зернистое. На нем герб царя с орлами с раскрытыми крыльями и т. д. Он состоял из густого яблочного пюре, чуть твердое, желтого цвета, вкусное. 3. Серебряная чаша с вишней в водке. 4. Такая же, с вареной морошкой, лучше всего остального. 5. Такая же, с гнилыми, полусваренными грушами, морщинистые и т. д. 6. Такая же, с вареными вялыми яблоками. Напитками служили противное испанское вино, испорченное французское, гадкая яблочная брага, отвратительное пиво, а сравнительно вкусная коричневая водка».

Потом следовали тосты по установленной очереди, начиная с царей. Гости несколько раз пытались подниматься и прощаться, но хозяин принуждал их остаться. Спарвенфельда немного раздражает, что каждый раз воевода поднимается, чтобы дать инструкции своим служащим, тогда гости тоже должны подниматься. И если кто-нибудь оставался сидеть, пристав сразу напоминал ему и заставлял подняться.

К вечеру следующего дня было привезено несколько подарков Гюлленшерне от воеводы. Они состояли из лисьего меха стоимостью 12 или 14 рублей, свернутого брусничного пюре, такого же типа, как шведы видели накануне у воеводы... Дальше то яблочное пюре в форме восьмиугольного сыра, с которым тоже познакомились у воеводы, и, наконец, 4—6 блюд свежей рыбы.

25 марта, после обеда в 3 часа, десяток человек привезли 600 рублей, о которых раньше были споры в беседе с воеводой. Деньги привозили в шести мешках, и шведский казначей считал эти деньги весь день, так как они были в копейках.

26 марта, в день отъезда, шведы послали своего комиссара к воеводе вместе с нам знакомым Гюттнером сообщить, что до Москвы будет не менее 3 недель пути и денег мало. Одновременно он передал, что шведы сомневаются в подлинности подаренного лисьего меха. Воевода сдержанно ответил, что он не виноват в том, что шведы так медленно едут такой многочисленной делегацией (в 274 человека).

В два часа подъехала карета воеводы с Тихоном Григорьевичем, и шведские послы, между двумя рядами стрельцов, доехали до восточных ворот. Карета остановилась в воротах таким образом, чтобы задние колеса остались внутри города, и послы с сопровождающими пересели из нее в свои сани и покинули Новгород.

Дневник Спарвенфельда будет издан следующим образом: подлинный текст (на шведском, французском и итальянском языках) будет напечатан на левой странице, перевод на английский язык — на правой. Издание будет снабжено введением и подробным комментарием. Хотелось бы надеяться, что со временем появится и русский перевод этого интересного источника.